

Глава 17. Я помогу тебе с учёбой

Собравшиеся недоуменно переглядывались. Наконец один из сельчан, набравшись храбрости, шагнул вперёд.

— В словах Цзяо-гэ'эра есть резон. Если мы сейчас силой заставим Мальчишку Вэя сменить фамилию, то как быть потом с семьёй Чжэн? Неужто и их зятю придётся...

Договаривать он не стал, но все и так поняли намёк. Можно ли равнять сиротский дом Лю Тяньцзяо и крепкое хозяйство Чжэнов? Если те не пожелают неволить будущего зятя сменой фамилии, а община начнёт давить, Чжэны просто откажут в аренде своих волов.

У самого старосты земли было в достатке, и в страдную пору без волов соседа Чжэна ему пришлось бы туго. Старик Чжэн, ценя положение главы деревни, всегда выделял ему лучших, самых сильных животных. Портить такие отношения из-за пустяка было бы верхом неблагодария.

К тому же, заставь они сейчас Вэнькана сменить имя, а потом позволь Чжэнам оставить зятю старую фамилию — по деревне тут же поползли бы слухи, что старшие лишь перед сильными заискивают, а сирот обижают.

Староста раздумывал лишь несколько мгновений, прежде чем объявить своё решение:

— Ладно, довольно. Мы все лишь хотели почтить память Лю Лаода и дать Тяньцзяо твёрдую опору. Раз он сам не желает, чтобы муж менял фамилию — пусть так и будет. Выберем благоприятный день и поскорее сыграем свадьбу.

— Как это — свадьбу?!

Лю Лаоэр подскочил на месте, едва не опрокинув стул.

— Что это за муж-наследник, если он фамилию не меняет? Неужто всё, что мой брат наживал кровавым потом, достанется человеку с чужим именем?

Тяньцзяо холодно усмехнулся, глядя в лицо второму дяде:

— Что значит — с чужим? Разве я не ношу фамилию Лю? Или мои дети не будут её носить? Мы все прекрасно понимаем, дядюшка, какой интерес вы здесь преследуете. Неужто наше скромное добро так не даёт вам покоя?

Лю Дафа с силой хлопнул по столу:

— Как ты смеешь так разговаривать! Совсем стыд потерял, ни во что старших не ставишь?

— Я лишь пекусь о благе второго дяди, — невинно отозвался юноша. — Братец Чэнци — человек выдающийся. Разве не было бы для него унижением войти в наш дом в качестве приемыша-наследника?

Лю Лаосань и четвёртый брат Лю при этих словах так и замерли. До них наконец дошло, почему Второй лез из кожи вон больше остальных — он метил пристроить своего сына Чэнци на место наследника и прибрать к рукам львиную долю добра.

Зная, как отец и мать потакают второму сыну и внуку-любимчику, они понимали: такой замысел вполне мог удался.

«С какой стати?! — пронеслось в головах братьев. — Уж лучше пусть всё останется у Цзяо-гэ'эра, чем достанется проныре-Лаоэру»

Тяньцзяо — всего лишь гэ'эр. Рано или поздно, пользуясь законами и властью рода, они найдут способ вытянуть из него деньги. Он даже не посмел пикнуть, когда в его доме пропадали вещи — значит, и потом совладать с ним будет несложно. А что до Вэй Вэнькана... Чего бояться чужака, который и мотыги-то в руках не удержит?

Рассудив так, оба брата поспешили выступить в роли миротворцев:

— Раз старший брат еще при жизни сам всё решил, у нас нет возражений. Дай бог молодым жить в ладу и беречь хозяйство.

Лю Лаоэр, видя такое предательство, принялся отчаянно подмигивать Лю Лаояо, надеясь на поддержку. Но младший стоял неподвижно, будто камень, и даже не взглянул в его сторону.

Староста подвёл черту:

— На том и порешим. Дело улажено. Всем пора возвращаться к работе, расходитесь.

Видя, что люди собираются уходить, Тяньцзяо поспешно вынес угощение — семечки и орехи. Он насыпал каждому по полной пригоршне, не скупясь на слова благодарности.

А когда суета почти утихла, он, улучив мгновение, незаметно вложил в ладонь старосты пять серебряных лянов.

— Горе от потери отца совсем затуманило мне разум в прошлые дни, — негромко проговорил он, заглядывая собеседнику в глаза. — Лишь теперь я осознал, как вы пеклись о моём благе. То, что вы сегодня пришли рассудить нас по справедливости, тронуло меня до глубины души.

Прошу вас, примите это в знак моей искренней признательности.

Сердце старосты оттаяло. Пять лянов — куда щедрее, чем посулы братьев Лю. В конце концов, Тяньцзяо — лишь неопытный юнец, растерявшийся после беды. Кто в его годы не совершает глупостей?

— Раз ты подносишь это от чистого сердца, я приму, — смягчился тот, пряча серебро в рукав.
— Но впредь старайся всё же сдерживать свой нрав.

Лю Тяньцзяо усердно кланялся ему вслед:

— Непременно, непременно.

Как только последний гость скрылся за поворотом, юноша захлопнул дверь и с чувством сплюнул на землю.

— Свора стервятников... Пытаются казаться праведниками, а сами только и думают, как обобрать. Вот погодите, заведу я знакомство с кем-нибудь из управы, тогда посмотрим, как вы запоёте.

Вэй Вэнькан лишь молча покачал головой. Этот гэ'эр менял личины быстрее, чем ветер переворачивает страницы книги.

Заметив, что Вэнькан направился к выходу, Тяньцзяо окликнул его:

— Ты куда это собрался?

— Домой, — кратко ответил тот.

— В какой ещё дом? Теперь твой дом здесь. Я видел твою циновку — она же совсем истлела. Перебирайся сегодня же, чего тянуть.

— Но... мы ещё не супруги, — возразил Мальчишка Вэй, замирая на пороге.

Тяньцзяо бесцеремонно затащил его обратно в комнату:

— Одному дню раньше, одному позже — невелика разница. Сейчас на улице пекло, посиди в прохладе. Как станет посвежее, пойдём и заберём твои пожитки.

Он принялся по-хозяйски рассуждать, не давая собеседнику вставить и слова:

— Моему дому всего несколько лет, здесь тепло и сухо. Правда, спален всего две. Решай сам: займёшь комнату моего отца или отгородим тебе угол в главной зала?

Когда Лю Лаода строил этот дом, он ещё не думал о муже-наследнике для сына, поэтому места было в обрез. Впрочем, главная зала была просторной и светлой, со сквозным проветриванием. Если поставить там стену, вышла бы отличная комната.

Вэнькан упорствовал до последнего.

— Это против всяких правил. Жить под одной крышей до свадьбы — значит навлечь подозрения в непотребстве.

— В каком ещё непотребстве? — фыркнул Тяньцзяо. — Я же не предлагаю тебе лечь в мою постель. Посмотри на себя — кожа да кости. Переезжай скорее, я хоть откормлю тебя немного. Нужно, чтобы на свадьбе ты выглядел статно, иначе люди скажут, будто Тяньцзяо взял в мужья замухрышку.

От такой беспардонности у Вэй Вэнькана заломило в висках.

— Нет — значит нет. Если продолжишь в том же духе, я всерьёз рассержусь.

Тяньцзяо вздохнул. Он хотел поскорее привязать этого парня к дому, чтобы тот ненароком не передумал и не сбежал. Но раз тот так упёрся, неволить его не стоило.

— Ну хорошо. Тогда сыграем свадьбу завтра? Не хочу затягивать, а то эти стервятники из старого дома опять что-нибудь выкинут.

— Нельзя завтра, — отрезал Вэнькан. — Сваха ещё не приглашена, гороскопы не сверены... Такие дела не решаются в одночасье.

Тяньцзяо уже знал, что последует за этим поучительным тоном, поэтому перебил:

— Знаю, знаю: «разве можно быть столь легкомысленным»... Ладно, завтра же пойду к свахе. Сколько серебра ты хочешь за помолвку? В деревне за девицу дают восемь лянов, за гэ'эра — пять. Про мужей-наследников правил нет, так что дам тебе десять. Идёт?

Вэй Вэнькан никогда не думал, что однажды его будут спрашивать о цене выкупа за него самого. На лбу его вздулась вена.

— В этом нет нужды.

— Да не скромничай ты! — отмахнулся Тяньцзяо. — Я слышал, учёба — дело дорогое: плата наставнику, тушь, бумага. Опять же, с другими книжниками знаться надо. На кисти и бумагу я деньги дам, а вот на гулянки с друзьями мне, боюсь, будет жалко. Так что бери выкуп и трать его на свои нужды, а меня больше о таком не проси.

Заметив, что Вэнькан молчит, юноша, скрепя сердце, добавил:

— Ну, я не говорю, что совсем денег не дам. Если я в будущем стану хорошо зарабатывать, будем делиться в пропорции три к семи, согласен?

Кто получит семь долей, а кто три, Тяньцзяо предусмотрительно уточнять не стал.

Вэнькан застыл в изумлении.

— Ты... ты хочешь сказать, что будешь оплачивать мою учёбу?

— Я узнавал: в поселковой школе за год берут шесть лянов. Если я поднажму, то моих доходов хватит на плату учителю, просто на бумаге придётся немного экономить.

Вэй Вэнькан давно похоронил мечты о книгах, смирившись с тем, что жизнь его пройдёт в бесконечных трудах. Как и большинство крестьян, он готовился либо гнуть спину в поле, либо наниматься на тяжёлую подённую работу. Пределом мечтаний было досыта накормить семью и отложить к концу года пару монет. И тут этот гэ'эр говорит об учёбе... Понимает ли он, какую ношу на себя берёт?

Сердце книжника на миг затрепетало от надежды, но тут же снова сжалось:

— Не стоит. Это слишком дорого. Ты заслуживаешь лучшей жизни, не нужно тебе терпеть лишения ради меня.

— Да я не только ради тебя стараюсь, — Лю Тяньцзяо неловко кашлянул. — Просто надоело, что об нас ноги вытирают. Если ты выучишься и станешь хотя бы сюцаем, мы сразу станем другими людьми. Пусть все знают: у Лю Тяньцзяо теперь есть заступник.

Вэнькан посмотрел на него со странным выражением:

— Ты так уверен, что я сдам экзамен?

Тяньцзяо поскрёб затылок:

— Ну, думаю, да. К нам в лавку за мясом заходили разные сюцаи, так они, по-моему, и в

подмётки тебе не годятся. Раз уж они смогли, то и ты сможешь.

Лицо Вэнькана омрачилось:

— Я дважды пытался сдать экзамены, но не прошел даже на звание туншэна.

Тяньцзяо помнил рассказы отца:

— Так ты же тогда занемог! Говорили, тебя на середине экзамена из кельи вынесли.

— Злые языки болтали, будто я притворился больным, потому что не знал, что писать.

— Вот же пустобрёхи! — возмутился юноша. — Посмотрели бы они на тебя — тебя же ветром шатает, зачем тут притворяться?

Вэнькан едва заметно улыбнулся:

— Должен ли я благодарить тебя за такую веру в меня?

Тяньцзяо махнул рукой:

— Не стоит. С той самой нашей детской драки я знаю, что ты... ну, не из глупых.

Вэнькану не нашлось что ответить.

— Решено. С учёбой договорились. Завтра пойду в деревню Каошань к свахе Чжэн — она куда честнее той старой ведьмы Ван.

По крайней мере, Чжэн всегда предлагала нормальных людей, пусть и бедных, а не картёжников и проходимцев, как та Ван.

Вэй Вэнькан ушёл домой в полном смятении, разум его был занят мыслями о книгах и школе. Лишь переступив порог своей лачуги, он осознал, о чём ещё договорился Тяньцзяо: завтра сваха сверяет гороскопы, послезавтра — подготовка пира для родни, а на четвёртый день... свадьба?

— Лаояо, что это сейчас было? — Лю Лаоэр затащил младшего брата в небольшую рожицу подальше от чужих глаз. — Мы же договорились помогать друг другу, а ты и слова не

проронил!

Лю Лаояо, с детства изнеженный родительской любовью, поморщился, когда брат грубо схватил его за шиворот.

— Пусти сначала, дышать нечем. Поговорим по-человечески.

— Не пущу, пока не объяснишься! — кипятился Лаоэр.

Младший, не выдержав, рявкнул:

— Хочешь денег — убери руки, а не то пожалеешь!

Второй Лю, видя искренний гнев в глазах брата, неохотно разжал пальцы:

— Ну, говори.

Лю Лаояо несколько раз кашлянул, потирая шею, прежде чем ответить:

— Ты совсем с ума сошел? Чего ты так взвился?

— Как не взвиться! Три кирпичных дома под черепицей, серебро — всё уплыло из рук! Тебе-то что, ты своё уже получил и на чужие беды тебе плевать!

Лю Лаоэр криво усмехнулся, но в глазах его сквозила угроза:

— Только не думай, что все вокруг дураки. Твой шурин — человек слабый, тяжелее палочек для еды ничего в жизни не поднимал. Откуда он, скажи на милость, мог взять ту тушу огромного чёрного медведя, за которую выручил столько денег?

<http://bllate.org/book/15343/1372753>